
Кан Ю-вэй: конфуцианская категория «сыновней почитательности» перед лицом модернити

© 2020 г. Д.Е. Мартынов^{1*}, Ю.А. Мартынова^{2**}

^{1,2} Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Республика Татарстан, Казань, 420111, ул. Пушкина, д. 1/55.

* E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru
<https://kpfu.ru/Dmitry.Martynov>

** E-mail: jmarabae@kpfu.ru
<https://kpfu.ru/Juliya.Marabaeva>

Поступила 19.01.2020

Вниманию читателей предлагается первый русский перевод выдержек из первой главы шестой части трактата «Да тун шу» Кан Ю-вэя (1858–1927). Китайский мыслитель и выдающийся реформатор сыграл заметную роль в процессе включения традиционной китайской культуры в общемировой контекст и лично много сделал для живого диалога с Западом. В 1899–1913 гг. он посетил более тридцати стран и совершил три кругосветных путешествия. В его многоплановом трактате особое место занимало описание исторической концепции Трех эр, в соответствии с которой рассматривались ценностные системы, религии и социальные институты. Эволюционная последовательность мыслилась как в пространственном, так и временном аспекте. Свою современность Кан Ю-вэй считал переходным этапом от Эры хаоса к Эре поднимающегося равновесия, порога которой достигли наиболее передовые западные общества. Однако в эмоциональном смысле Кан Ю-вэй решительно выступил защитником традиционной клановой системы, которая в его понимании противостояла атомизированному западному обществу, в котором господствуют гедонистические ценности.

Ключевые слова: Кан Ю-вэй, Да тун шу, эпоха Цин, конфуцианство, общество, институт семьи, модерн.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–7-190-201

Цитирование: Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А. Кан Ю-вэй: конфуцианская категория «сыновней почитательности» перед лицом модернити. *Кан Ю-вэй. Книга о Великом единении (Да тун шу)*. Из части 6: Уничтожение границ семьи и создание «Небесного народа». Перевод с китайского Д.Е. Мартынова // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 190–201.

Kang Youwei: Confucian category of filial piety in front the face of modernity

© 2020 Dmitry E. Martynov^{1*}, Yulia A. Martynova^{2**}

^{1,2} Kazan (Volga region) Federal University,
1/55, Pushkin str., Kazan, 420111, Tatarstan, Russian Federation.

* E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru
<https://kpfu.ru/Dmitry.Martynov>

** E-mail: jmarabae@kpfu.ru
<https://kpfu.ru/Juliya.Marabaeva>

Received 19.01.2020

Readers are invited to the first Russian translation of extracts from the first chapter of the sixth part *Datong shu* (*The Book of the Great Unity*) by Kang Youwei (1858–1927). The famous Chinese thinker and outstanding reformer played a prominent role in the process of incorporating traditional Chinese culture into the global context and personally did a lot for a lively dialogue with the Western civilization. Between 1899 and 1913 Kang visited more than 30 countries and made three round-the-world travels. In his multifaceted treatise “*Datong shu*”, a special place was occupied by a description of the historical concept of the Three Eras, in accordance with which value systems, religions and social institutions were considered. Evolutionary sequence was thought in both spatial and temporal aspects. Kang Youwei considered his contemporaneity as a transitional stage from the Era of chaos to the Era of rising equilibrium, the threshold of which reached the most advanced Western societies. However, in an emotional sense, Kang Youwei resolutely defended himself the traditional Chinese clan system, which, as he understood it, opposed an atomized Western society dominated by hedonistic values.

Keywords: Kang Youwei, *Datong shu*, Qing era, Confucianism, social institutes, family institute, modern.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–7-190-201

Citation: Martynov, Dmitry E., Martynova, Yulia A. (2020) “Kang Youwei: Confucian category of filial piety in front the face of modernity”, Kang Youwei, “*Datong shu*”, Part 6, Partial Translation by Dmitry E. Martynov, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2020), pp. 190–201.

В современной общественной мысли КНР происходит активное освоение философского наследия последней императорской династии Цин (1644–1912); это доказывает хотя бы числом статей и монографий. Именно в ее правление китайская цивилизация столкнулась с тяжелейшими вызовами как общества, так и природной стихии, что, по аналогии с отечественной историей, было А.И. Кобзевым удачно названо «бунташным веком» [Кобзев 2002, 441]. В современном Китае эти процессы подвергаются интенсивному осмыслению и переосмыслению, что удивительным образом было санкционировано на самом высоком уровне. Сошлемся в данном контексте на Председателя КНР и главу Компартии Китая Си Цзинь-пина. Выступая на пленарном заседании III Пленума ЦК КПК 18-го созыва 12 ноября 2013 г., Си Цзинь-пин особо остановился на том, что из-за цинской политики самоизоляции на рубеже XVIII–XIX вв.

Китай упустил шанс включиться в промышленную революцию [Истории 2019, 210–211]. В том же выступлении он ссылаясь на опыт известного чиновника – теоретика и практика китайской модернизации Чжан Чжи-дуна (1837–1909), назвав его человеком, «обладавшим видением реформ» [Там же, 214]. Переходя в контекст нашей темы, добавим: именно Чжан Чжи-дун являлся одним из главных покровителей героя нашей статьи – Кан Ю-вэя.

Выдающийся китайский реформатор Кан Ю-вэй считается одним из важнейших мыслителей переходной эпохи, которая ознаменовала приобщение китайской цивилизации к западным ценностям, причем данный процесс не завершен и поныне. Однако, рассматривая пласт исследований, посвященных ему в национальных историографиях Китая и Японии, а также на западных языках, мы чем дальше, тем больше убеждаемся в известной аберрации. Одним из важнейших искажений, которое допускается в среде исследователей, является игнорирование религиозного характера деятельности Кан Ю-вэя. Следует в комплексе рассматривать как его «поиски истины на Западе», так и тот факт, что в 21 год он испытал просветление, прозрев в себе «душу того, кого называют совершенномудрым небожителем и Буддой» [Кан 2005, 52]. Примечательно, что один из часто используемых Каном литературных псевдонимов, *Чан-су*, означал «Первый, не носящий заслуженного титула», что, между прочим, ставило его выше Конфуция. Одним из прозвищ Учителя десяти тысяч поколений было *су ван*, это сочетание составлено из иероглифов «некрашенный шёлк» и «царь» и означает, что Небо наделило Конфуция всеми качествами идеального правителя, но трона он так и не занял. На этом фоне поистине поразительно, что значительную часть интеллектуального наследия Кан Ю-вэя составляли комментарии к классическим конфуцианским канонам: «*Чунь-цю Дун-ши сюэ*» («Учение господина Дун [Чжуншу] о “Веснах и осенях”»), «*Чжун юн чжу*» («Комментарий к “Срединному и неизменному”»), «*Лунь юй чжу*» («Комментарий к “Суждениям и беседам”»), «*Ли юнь чжу*» («Комментарий к [главе] “Циркуляция благопристойности” [“Записок о благопристойности”]»), «*Да сюэ чжу*» («Предисловие к “Великому учению”»), «*Мэн-цзы вэй*» («Тонкости “Мэн-цзы”»), субкомментарии к древним версиям «Канона стихов» («*Ши-цзин*») и многие иные. Противоречие снимается, если учесть, что основной проблемой Кан Ю-вэя была модернизация Китая при сохранении его культурной идентичности.

В отличие от подавляющего большинства его современников Кан Ю-вэй хорошо знал иные, кроме Китая, цивилизации и присущие им особенности мышления и образа жизни. В главной теоретической работе Кана – «*Да тун шу*» («Книга о Великом единении», частично опубликована в 1913 г. и полностью в 1935 г.) – содержится множество автобиографических пассажей и отсылки к личному опыту мыслителя. В 1899–1913 гг. Кан Ю-вэй вынужденно пребывал за пределами родной страны, и за это время успел трижды обогнуть земной шар, побывав более чем в тридцати странах, от Индии до Палестины и от Марокко до Мексики. Его опыт включал длительное пребывание в Швеции и Германии, Индии и Сингапуре, не говоря о Японии и США. Результатом путешествий стала глубочайшая убежденность в историческом характере любой идеологии, религии и культуры: этой мыслью пронизана вся «*Да тун шу*».

Концепция Великого единения была Кан Ю-вэем заимствована из главы «*Ли цзи*» конфуцианского канона «*Ли цзи*». Словами самого Конфуция в ней описаны два состояния общества – идеальное Великое единение, существовавшее некогда в древности, и современное – Малое процветание (*Сяо кан*) [Кобзев 2002, 467]. Последнее понятие широко используется в политической теории и практике современной КНР. В оригинале проводится противопоставление идеи всеобщего равенства и принадлежности всего всем – и разделенности мира с частными интересами. Это противопоставление было Кан Ю-вэем синтезировано в историософской теории трех эпох (*сань ши*) – стадий развития общества. В комментариях к «*Лунь юй*» сущность своей исторической концепции Кан Ю-вэй описал так: «Для эпохи Пребывания в хаосе (*цзюй луань*) внутренним является отдельное [китайское] государство, а внешним – весь Китай; для эпохи Подъема к равновесию (*шэн пин*) внутренним является весь Китай, а внешним –

варварское [окружение]; для эпохи Великого равновесия (*тай пун*) далекое и близкое, великое и малое становятся едины» [Кобзев 2002, 467]. Если в традиционной историософии это было описанием цикла инволюции, то главной заслугой Кан Ю-вэя стало развертывание эволюционной последовательности, причем она рассматривалась не как комплексная, а как дискретная. Побывав в разных странах Азии, Америки и Европы, Кан Ю-вэй убедился, что разные страны пребывают как в стадии хаоса, так и Поднимающегося равновесия. Великобритания, Германия, Швейцария и США рассматривались им как перешедшие на новую ступень развития. Одним из диагностирующих признаков эволюционной последовательности являлся общественный строй: самодержавие, конституционная монархия, демократическая республика. Троичную дифференциацию Кан Ю-вэй считал универсальной, придавал ей общеметодологический смысл. Эволюционную последовательность он мыслил как в пространственном, так и во временном аспекте. Иллюстрировал он это тем, что в прогрессивной Америке имелись резервации для «диких» индейцев, а в Китае обитали многочисленные «инородцы»: мяо, яо, чжуани и ли.

Историчность мышления Кан Ю-вэя заключалась в осмыслении эволюционного развития сознания и относительности ценностных систем. В предлагаемом читателям фрагменте первой главы шестой части «*Да тун шу*» рассматриваются институты человеческого общества, присущие Китаю (традиционный клан эры хаоса) и разрушающийся под воздействием гедонистической системы ценностей прогрессивного Запада институт семьи. Примечательно, что с сугубо эмоциональной точки зрения мыслитель на стороне собственной культуры. Примирить эти позиции совершенно невозможно; неслучайно Л.Дж. Томпсон в английском переводе «*Да тун шу*» ограничился предельно общим перифразом приводимых ниже пассажей [Ta T'ung Shu 1958, 169–175]. Впрочем, главное наблюдение переводчика, сделанное более полувека назад, остается совершенно справедливым: Кан Ю-вэю с позиций консерватора-традиционалиста (что в его сознании парадоксально сочеталось с радикальным свободомыслием) удалось предвосхитить множество культурных трендов, господствующих в современном мире. «Глобалистский оптимизм» Кан Ю-вэя (термин А.И. Кобзева) не являлся всеобъемлющим, а его пример как нельзя лучше демонстрирует, что сами по себе рамки традиционной культуры и мышления не являются препятствием для осмысления меняющейся реальности.

Перевод выполнен по изданию [Кан 2005, 164–174].

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Кан 2005 – Кан Ю-вэй. Да тун шу (Книга о Великом единении) / Пред. и ред. Тан Чжи-цзюня. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2005 (Kang, Youwei, *Datong shu*, in Chinese).

Сыма Цянь 2003 – Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 2 / Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Восточная литература, 2003 (Sima, Qian, *Shiji*, Russian Translation).

Thompson, Laurence G., Trans. (1958) *Ta T'ung Shu. The One World Philosophy of K'ang Yu-wei*, Allen & Unwin, London.

Ссылки – References in Russian

Истории 2019 – Истории из уст Си Цзиньпина / Сост.: Отдел комментариев и рецензий газеты «Женьминь жибао»; пер. А.В. и Т.Г. Семеновых. М.: Шанс, 2019.

Кобзев 2002 – Кобзев А.И. Философия китайского неоконфуцианства. М.: Восточная литература, 2002.

References

Kobzev, Artem I. (2002) *The philosophy of Chinese Neo-Confucianism*, Vostochnaya Literatura, Moscow (in Russian).

Xi, Jinping (2019) *Stories Told by President Xi Jinping*, Trans. by Alexander V. Semyonov and Tatyana G. Semyonova, Shans, Moscow (Russian Translation).

МАРТЫНОВ Дмитрий Евгеньевич – доктор исторических наук, профессор кафедры алтаистики и китаеведения Казанского (Приволжского) федерального университета.

Martynov Dmitry E. – DSc in History, Full Professor, Department of Altaic and Chinese Studies, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan.

МАРТЫНОВА Юлия Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры алтаистики и китаеведения Казанского (Приволжского) федерального университета.

Martynova Yulia A. – CSc in History, Associate Professor, Department of Altaic and Chinese Studies, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan.

Книга о Великом единении (*Да тун шу*) Из части 6: Уничтожение границ семьи и создание «Небесного народа» Кан Ю-вэй

Сыновняя почтительность должна выражаться в отплате родителям за добро

Родители утруждают себя, однако их доброта невелика перед самим [фактом] рождения. Родив, они неустанно заботятся о детях до их зрелости. Не будь отца и матери, не было бы и рождения, не будь рождения, некому было бы расти до зрелости. Потеряв родителей смолоду, живешь в холоде и голоде, испытывая нужду и лишения, до смерти прозябая в ничтожестве и бесчестье. По всей Поднебесной подсчитывают благодеяния (*энь*) и рассуждают о благодати (*дэ*), но разве можно их сравнивать?! Правила-ли и законоуложения-люй подобны текущему счету (*ванлай*): человек, заимствующий хоть один *цян*¹, обязан непременно все возместить; человек, берущий хоть одну рисинку, непременно должен отблагодарить. Взывший в долг *цян* без возврата будет наказан по закону; взявший рисинку без благодарности, будет осужден в народе. Ханьский Гао-цзу², принимая законы, сказал [своим] людям: «За убийство человека – смерть, за ранение человека или разбой – наказание по степени вины»³, его слова разнеслись повсюду. Также было объявлено: «Совершивший убийство – заплатит собственной жизнью, задолжавший хотя бы *цян* обязан полностью расплатиться»⁴, и эти его слова разнеслись повсюду. Согласно буддийскому учению, отнявший жизнь будет расплачиваться в бессчетном ряду поколений, таков универсальный принцип человеческой жизни, об этом известно всем. Тому, кто постигает всеобщий закон (*гун ли*) расплаты и благодарения, приходится нелегко. Не может быть милостей превыше родительских, поэтому выплатить этот долг в двойном размере – обязанность всякого сына. В «Каноне стихов» (*Ши цзин*) сказано:

Мой долг перед ними, что в сердце возник,
Как Небо безмерное, столь же велик!⁵

Конфуций ввел траур по родителям как высшую форму выплаты долга. Непочтительность к родителям (*бу сяо*) карается по закону как невозвращенный долг, являясь тяжким преступлением.

[...]

О том, что дети европейцев и американцев игнорируют выплату долга

Ныне Европу и Америку именуют «цивилизованными», отцы и матери там растят и наставляют (*цзяо*) своих детей, тяжело и старательно трудясь, но [отношения родителей и детей] там не такие, как в Китае. С шести-, семилетнего возраста детей начинают

учить, при этом они еще играют на коленях родителей; проучившись десять лет, уезжают [от родителей] на 10 000 *ли* получать высшее образование в университете; достигнув совершенных лет, отделяются от родителей, навещая их раз в два-три года или четыре-пять лет; окончив обучение, по собственной воле находят себе занятие, по собственной воле женятся, не советуясь с родителями. Женившись, дети непременно расстаются с родительским домом и никогда не живут вместе с отцом и матерью. Устроившись на работу, могут поселиться за 10 000 *ли* от [родительского дома], не спрашивая позволения, переселяясь из деревни в город или наоборот, встречаясь [с родителями] раз в несколько месяцев по случаю праздников или болезней. Родители навещают дом сына и снохи, пьют чай и спрашивают о здоровье, их отношения неотличимы от дружеских! Когда отец постареет, а мать овдовеет, их дети никогда не станут жить с ними под одной крышей и заботиться о них, не спрашивают, как почивали и каков аппетит⁶, не осведомляются о здоровье и не растирают больных мест. Если дети достигли богатства и положения, их родители не участвуют в праздниках и увеселениях вместе с ними, туда приглашаются только жены; совсем не как в Китае, где дети содержат своих родителей. Встречаясь на торжественных приемах, представители высшего общества не угощаются, не пьют чая и вина, а поют и танцуют; если сын состоит на службе, а отец – его коллега, то они ходят друг к другу в гости по вечерам как старые приятели, то же касается снох; но они совершенно не общаются с престарелыми отцами и вдовыми матерями. Я сдружился с одним английским чиновником, живущим по соседству [в Сингапуре], у него были живы оба родителя, и я наблюдал описанное выше собственными глазами; поистине, не было человека, более непочтительного к своим родителям.

Дети [западных людей] не чувствуют себя обязанными родителям за то, что те их породили и воспитали, и если сын добился богатства и положения, его родители не будут радоваться, отдыхать и путешествовать. Когда близкие одряхлеют, богатые сыновья и снохи безучастны, продолжая предаваться удовольствиям, в то время как родители тоскуют в одиночестве. Что же говорить о вдовцах и вдовах, влачащих одинокое существование! Нет у них никого, кто бы успокоил и утешил⁷; во время болезни они также живут уединенно, не имея присмотра⁸; из окон их видны только уличные фонари, они всецело зависят от слуг и сиделок, а смерть их ни у кого не вызовет интереса, как если бы у них не было сыновей, на которых можно опереться!

Женщины у них, когда вырастут, не служат и не занимаются никакими делами, когда заканчивают обучение, но еще не вышли замуж, возвращаются к родителям и помогают им. Поэтому в европейских и американских домах много девиц, достигших брачного возраста, но мало совершеннолетних мужчин. Когда женщина вышла замуж, то время от времени она возвращается к матери и живет с ней, во всем ей помогает и содержит. Если сын женился, то он уже никогда больше не живет с родителями. Однажды я разговаривал с одной англичанкой, у которой был сын, но не было дочери, и она мне сказала: «А в Китае сыновей тоже любят больше, чем дочерей? Я очень хотела дочь, а не сына. Когда сын вырастет, он уедет, а как женится, так и вовсе нас оставит и не будет помогать, заботиться и радовать родителей. Уж лучше бы была дочь!» Словом, говоря о нравах европейцев и американцев, мы видим, что на самом деле родители предпочитают дочерей сыновьям.

Американский президент Мак-Кинли (*Майцзянни*)⁹ присоединил на востоке Кубу, а на западе – Лусон¹⁰; его можно назвать человеком выдающимся (*вэйжэнь*). Умирая, он оставил завещание, в котором более 20 миллионов фунтов передал жене, а матери оставил¹¹ всего 1000 фунтов, в Китае – дело совершенно невозможное. Однако в Европе и Америке действия столь выдающегося человека, как Мак-Кинли, считаются совершенно правильными. Смотря на Мак-Кинли, мы видим, что он прислушивался к своей жене и жил с ней в полном согласии, но не руководствовался напутствиями собственной матери. Если бы у него был сын и он бы стал президентом, то смог бы принести великую пользу.

Если же [западный человек] очень беден, то он все равно живет со своей женой одним домом и содержит ее, а не родителей, хотя бы они сильно бедствовали. Если бы

пришлось жить с родителями хотя бы три дня, он бы изменился в лице от гнева и терпел бы нахлебников не более недели, а затем выставил бы их за дверь! Остается только законодательно принудить делать это, но закон не будет работать. В такой ситуации мать еще может пойти работать служанкой, но если отец не захочет быть лакеем, то не сможет прокормить [себя и семью]. Дети иногда дают¹² им деньги при редких встречах.

Хотя государство и приняло закон, согласно которому, если родители дошли до крайней степени бедности, дети обязаны тратить треть заработанного на их прокормление, в противном случае государство будет вычитать из их заработков, однако редко кто его исполняет. В Англии я однажды видел чрезвычайно бедных старцев, которым не помогали их дети. Если их родители бедны и беспомощны, они могут жить с детьми и помогать им: отец – собирая дрова и хворост, мать – метя двор. Если же сыновья и дочери способны хорошо обеспечить себя, живут на верхних этажах, то их престарелый отец живет внизу и питается объедками вместе со слугами. Таким следует предписать поднять отца и мать наверх, сделав из них почтительных детей. Поэтому дети, добившиеся богатства и знатности, не должны спокойно наслаждаться [своим положением], а должны всецело заботиться о родителях, оказавшихся в затруднительном положении. [Родители] рожали, 10 лет кормили и воспитывали [детей] и еще 10 лет оплачивали их учение, утруждая себя наивысшим образом, да еще и оставляют им наследство после смерти, и во имя чего эти щедрость и внимание?! После смерти их удостоят в лучшем случае посылкой венка на могилу, похоронами на родине – и это всё. То же самое касается сыновей и внуков, которые не оставят своим потомкам семейного мавзолея. Европейцы и американцы занимаются только коммерческими операциями и гонятся за [сиюминутной] выгодой, не заглядывая в будущее далеко¹³, и уже сыновья и внуки живут в других местах, а семьи никогда не живут вместе, не имеют родовых храмов и не приносят жертв предкам. Их могилы не существуют и нескольких десятилетий, а для памяти им хватает портретов умерших, отношения здесь одного класса с дружескими. У нас же поклонение предкам идет еще с периода Весен и Осеней (722–481 гг. до н.э.), передаваясь через десятки поколений, и ни одна годовщина не обходится без сбора всех потомков и родичей; наши родовые храмы всегда опрятны, их постоянно ремонтируют и обновляют, приносят там жертвы. Китайцы постоянно думают о предках с уважением и любовью, и даже когда уезжают очень далеко от дома, всегда имеют в них великую надежду и опору. Один европеец, услышав мои слова о *Дао*-пути отцов и сыновей в Китае, вздыхал и необычайно завидовал; а одна американка, с которой я обсуждал моральные устои (*жэнь лунь*), сказала, что [каждому человеку] надо обязательно разбогатеть, а вот детей иметь нет никакой необходимости, поскольку от них никакой пользы, а неприятностей¹⁴ – полная череда.

Я лично знал двух английских губернаторов Сингапура¹⁵, оба не были женаты. В нынешнее время все француженки не желают рожать детей и делают без счета аборты, а число детей, подброшенных в храмы, не поддается подсчету. По этой причине в последние десятилетия трудоспособное население (*динкоу*) Франции каждодневно сокращается, а раньше оно превышало 40 миллионов, и во время Франко-Прусской войны превосходило население Германии. Ныне число немцев увеличилось вполонину, а ведь они не присоединяли к себе французов, которых ныне стало менее 40 миллионов. Американки и француженки [в среднем] рожают по одному ребенку и не желают рожать многочисленных сыновей. Отцы и дети почти не видятся друг с другом. Женщина [Запада], родив ребенка, испытывает такие тяготы и страдания, что считает, что совершила ошибку, из-за которой придется жертвовать нормальной жизнью¹⁶, а прибыль от всего этого чрезвычайно мал. А разве нормальный человек согласится пожертвовать полноценной жизнью ради ничтожной прибыли?! Отец, воспитывая сына, тратит без меры и притом без всякой надежды на отдачу, неужели же он охотно пойдет на такое?! Потому-то многие европейцы и американцы завещают всё свое имущество государству¹⁷. Японцы в прошлом почитали конфуцианские нормы (*чун жу*)

и практиковали трехлетний траур (*чжун сяо*), но ныне тоже стали меняться. Я встречал многих известных и замечательных людей, покинувших родное село ради большого города, но когда у них умирала мать, они бросали всё: вот образец истинного воздаяния.

Европейцы и американцы уделяют внимание супругам, но пренебрегают родителями

Ныне система управления в [государствах] Европы и Америки близка к Рождающемуся равновесию, но почему же *Дао*-путь отцов и детей у них не основан на возврате долга? Почему, ведая [*Дао*-путь] мужа и жены, не знают о его подобии отношениям отцов и детей? Почему супруги радуются вместе, но так мало радости достается престарелым отцам и вдовым матерям? Почему они голодны, холодны и бесприютны? [Это потому], что европейцы и американцы отвергли установления должной справедливости (*ли и*), с тех пор как сделали корнем-основой собственных установлений свободу (*цзюю*). Все люди уже обладают основными человеческими правами, а дети вольны в выражении привязанностей. Немногие с детства наделены искренними чувствами, когда вырастают – могут стать развратниками, поэтому муж и жена не могут отлучаться друг от друга, но отдаляются от родителей. Принцип супружества предполагает совместное проживание до конца жизни, если же супруги живут раздельно уже долгое время, им разрешено расстаться. Поскольку брак свободный, мужчины и женщины стремятся доставить друг другу радость. Поскольку все люди уже обладают основными человеческими правами, мужчины и женщины не зависят от гнета свекра и свекрови, тестя и тещи (*цзю гу*), а дети не знают принуждения и живут отдельно от родителей. Опять-таки двум женщинам из разных семейств очень трудно ужиться и стать родными, отсюда конфликты снохи и свекрови. В семье, в которой не принуждают к совместному проживанию всего рода, никто не страдает от горестных дум, не ожидает инея и росы, могут встречаться в любое время по желанию и симпатии, не ожидая милостей и унижений. Этому же отвечают и государственные установления. Однако при таких установлениях заболевшие отец и мать лишены сыновней заботы (*ши ян*), сыновья, добившиеся богатства и положения, не станут делиться ими с родителями. Когда родители и дети уже не живут под одной крышей, деды и внуки становятся друг другу чужими.

Я дружил со [многими] европейцами и американцами, но мало кто из них опекал своих внуков, что же говорить о прадедах и правнуках?! Даже престарелые отцы и вдовы матери пребывают в одиночестве, и мало [в их жизни] радости, на них никто не обращает внимания, не содержит, и они опускаются до крайней нужды. Законы Запада всё еще не знают *Дао*-пути воздаяния, нет цельного понятия о должной справедливости, потому и законы несправедливы: супруги желают угождать лишь друг другу, забывая о родительских благодеяниях. Невозможно избежать этой ошибки!

Сыновняя почтительность и возврат долга в Европе и Америке уступает китайской, как христианство уступает конфуцианству

Если человек осуществляет *Дао*, все его начинания завершатся успехом, а благодеяния непременно окупятся сторицей. Если человек строит планы на будущее, он непременно получит большую или меньшую выгоду, а потом и капитал. Хотя любовь между отцами и детьми имеет небесную природу, однако сколько же людей забываются о детях лишь потому, что в старости рассчитывают на исполнение ими сыновнего долга!¹⁸ Кто не страшится остаться без опоры в наступающей старости? Кто вырастил сыновей и внуков, спокоен, ибо получит сытную еду и теплую одежду. У кого нет сыновей и внуков, останется обездоленным, некому будет даже пожаловаться.

Кто не видел беспомощных калек? За имеющим сыновей и внуков будет кому ухаживать, лечить и утешать; не имеющий сыновей и внуков будет обездолен, ему не с кем даже поговорить.

Кто не видел разбогатевших сыновей и внуков, заботящихся о родителях и почитающих их? Люди одинаково благоговеют и трепещут [перед родителями], а у не имеющего детей нет никого, на кого можно было бы опереться и посмотреть с надеждой¹⁹, некому будет передать [свою волю] после смерти.

Кто не видел человека, окруженного многочисленными потомками (*цзы сунь*)? Они не могут поместиться на лестнице, и [такого человека] никто не посмеет притеснять. Не имеющий сыновей и внуков одинок, ему не на кого опереться, всякий сможет обидеть его и обмануть. Кто не видел человека, оставившего многочисленных наследников? Его могила и родовой храм величественны и красивы, жертвы его духу будут приноситься постоянно. У не имеющего сыновей не будет даже человека, который его обрядит, положит в гроб и похоронит, на нем оборвутся жертвоприношения духам его предков. Поэтому Конфуций установил принцип *сяо* для возмещения [усилий родителей по рождению и воспитанию детей]. Кто не содержит старившихся родных, не заботится о них в болезни, не почитает и не служит породившим его, не поминает их дух жертвоприношениями после смерти, того называют непочтительным (*бу сяо*), и люди его изгоняют. Потому-то отец должен иметь того, на кого обопрется в старости, а мать – того, кто будет приглядывать за ней во вдовстве, содержать в бедности, ухаживать во время болезни и чтить, даже достигнув богатства и положения, а многочисленные внуки – почитать своим родоначальником и достойно похоронить, принося жертвы его духу²⁰. Потому-то человек должен страстно желать и прилагать все старания, чтобы родить умных и талантливых сыновей. Только потому, что основан на сыновней почтительности, Китай занимает первое место на Земле по численности населения.

Ныне европейцы и американцы, родив детей, обязаны по законам своих стран содержать их и воспитывать, и поневоле вынуждены это делать. Возврата сыновнего долга не знают их государственные законоуложения, так же как и прав женщин, поэтому европейцы и американцы не имеют ни малейшего желания растить и содержать своих детей. При воспитании детей до трехлетнего возраста с них глаз не спускают, в десять лет – отдают в школу и тратят [на обучение] немыслимые суммы, но их возврат – это что-то из ряда вон выходящее, они не извлекают из этого никакой выгоды, а кто так поступает [с их точки зрения] – не человек. Поэтому многие богатые и могущественные европейцы и американцы после кончины завещают накопленные миллионы государству на основание школ и лечебниц, а не родным детям; огромные капиталы таким образом не приносят выгоды [своим владельцам], неужели же человек, работающий всю жизнь на то, чтобы накопить капитал, согласится на это? Это естественная человеческая реакция. Если отношения отцов и детей имеют небесную природу, неужели же следует возлагать их защиту на государство?! [Западные] законодатели по определению богаты и могущественны и поступают вышеописанным образом.

В Китае таких законов не существует, а любовь к детям – сердечно-искренняя, потому их рождается много, а бороться за высокое положение всю жизнь означает лишиться своих детей, потому и понятие о сыновнем долге в Китае есть, а на Западе отсутствует.

Говорят, что человека породило Небо, он не частная собственность отца и матери, из которой можно извлекать прибыль. Из людей состоят нации, они – не частная собственность отца и матери, из которой можно извлекать прибыль. Христиане почитают Небо, но пренебрегают родителями, а древние спартанцы особенно уважали государство, не отделяя его от нации, потому они чрезвычайно недооценивали долг в отношении родителей. Однако плата добром за добро – это небесный принцип, детей порождает и вскармливает Небо, это же делает и государство, нет необходимости привлекать родителей, и потому можно не возвращать им долга. [В Китае] считается, что, взяв в долг у родителей за воспитание до совершеннолетия, невозможно возместить безграничную любовь и доброту родителей. Но не вернуть его даже в мелочи – значит сойти с правильного *Дао*-пути (*фэй Дао*). Поэтому сын пользуется родительской любовью, воспитанием, учением, его этика основана на сыновней почтительности и возврате долга, поэтому я выбираю китайский [образ жизни] и следую Конфуцию.

Китайцы утратили смысл принципа сыновней почитательности, те, кто энергично проводит его в жизнь, встречаются редко

Поистине: несмотря на то что в Китае рассуждают о сыновней почитательности, это только имя (*мин*), хотя оно вошло в широкий обиход и все в состоянии его понимать!

Все люди обладают четырьмя конечностями и пятью органами чувств; имея тело, стремятся удовлетворить его потребности, в этом люди Китая и Запада одинаковы. Имея глаза, наслаждаются красотой; имея уши, наслаждаются сладкозвучием²¹; имея рот, наслаждаются лакомствами; имея тело, одевают его в красивые одежды и услаждают праздностью; душу услаждают путешествиями. Дети находят удовольствие в игре, взрослые – в пороке. Душе-*по* присущи слабости и страсти; душа-*хунь* следует им. [Человек, повинувшись страстям], колеблется, уходит и возвращается, соединяется с единомышленниками. Имея хоть немного золота и серебра, испытывает постоянное желание их потратить. Тех, кто не желает попустительствовать ушам и глазам, телу и душе-*по* и способен считаться с отцом и матерью, заботиться о них – совсем немного. Видел я и стремящихся к наслаждению, для кого забота об отце и матери была обузой, и уж совсем немного тех, кто поддерживал родителей приемных. Человек стремится жить сам по себе и не тратиться на многочисленную родню и детей. Поэтому в наш век немногие стремятся утруждать себя семейным долгом и содержать родителей.

Молодые и красивые достойны любви, достигнув совершенных лет, они стремятся обзавестись семейством по удовольствию и расположению, обзаведясь многочисленным потомством, обзаведясь собственным делом, дающим средства к существованию. Когда жены и наложницы многочисленны, тогда сыновья и дочери числом подобны деревьям в лесу; их содержание тягостно для любого состояния. А если содержать себя самого, да еще и прорву домашних, где найти излишки, дабы прокормить престарелых родителей?!

Китайцы всё еще с трудом преуспевают в коммерции, честность и доброта приносят несчастье. Особенно тягостно хлебопашество; [земледелец] постоянно страдает то от засухи, то от наводнений, а семья его страдает от голода и холода, и даже если он желает содержать [своих родителей], не сможет дать много. На севере Китая средний размер заработной платы ремесленника – два-три *ляна*. На юге Китая способный рабочий высшей квалификации зарабатывает в среднем четыре-пять *лянов*, но может достичь максимального предела в восемь-десять *лянов*.

Ученый, работая секретарем или учителем, зарабатывает до 30–40 *лянов* в месяц, а если поднимается до [конфуцианских степеней] *сюоца* и *цзюйжэня*, получает нескольких десятков золотых. Если он выдержал испытание на ученую степень *цзиньши* и служит чиновником в столице или еще ожидает вакансии и служит в провинции, то имеет жалованье и столовые деньги, чей размер зависит от его служебного рвения, однако не превышает нескольких десятков [лянов], [зато он имеет] экипаж и лошадь, слугу. Он должен поддерживать светскую жизнь, зато не тратит денег на квартиру²² и не несет расходов в служебных поездках.

Крупный торговец [богатством] подобен владельческому князю, только он может не жалеть сил и средств для содержания престарелых родителей, но таких очень и очень немного.

В Европе и Америке человек, по крохам накопивший малое состояние, может только содержать жену, да и того не хватает. В этом они напоминают буддийских монахов, которые могут обеспечить только себя, да и то скудно. Однако доходов слишком мало, чтобы удовлетворить страсти, раздражающие глаза и уши, рот и члены; а расходы на содержание даже одной семьи – жены, наложницы, сыновей и дочерей – слишком велики. Невозможно удовлетворять потребности и содержать семью. В [китайской] древности существовала надельная система²³, обеспечивающая стабильный доход, в этом ее можно сравнить с западным рабочим законодательством. Все зависело от количества едоков: соответственно их числу фискал-*дучжи* распределял надель,

которыми они затем пользовались. Поэтому в древности люди имели возможность служить родителям и содержать жену и детей, быть самодостаточными и даже иметь излишки; так и европейцы и американцы могут иметь средства к существованию и содержать семью, чувствуют себя свободными и удовлетворяют свои нужды. Однако у нас воздать за добро ревностной службой почитается за радость, утомлять тело – радовать дух, и это побуждает к деторождению.

Ныне в Китае для земледельцев и рабочих и даже купцов нет открытых источников большого дохода, а найти применение своим умениям и силе чрезвычайно трудно. Хотя бы и желал трудиться в полную силу, чтобы добыть себе средства к существованию, но заработная плата и доход будут ничтожны, не будет даже возможности достаточно прокормить себя самого, что уж говорить о долге по отношению к семье и родителям! Поэтому даже в урожайный год дети страдают от скудости, а у работающего человека жена плачет от голода, а у вдовой матери, ожидающей у ворот сына, лицо пожелтело от голода, а старый отец греет кости на солнце, ибо не имеет верхней одежды, а почтительный сын вынужден с радостным видом предлагать [им] жиденькую кашичку! Я слышал, что в зажиточном селе Яншо [в Гуанси] более 50 семейств в состоянии питаться рисом, а [в моем родном селе в Гуандуне] не более 20. Вот до какой степени скорби может довести путь человеческий! А если у человека нет работы в городе, нет даже поля, которое можно обрабатывать? Тогда везде полно бродячего люда, который бездельничает и любит азартные игры, не зная в них удержку, пьянствует и находит в праздности удовольствие. Таких много в столице, где они толкуются на улицах, и там же валяются, когда умирают от голода, мешают проезду, но никто их даже не считает! Каким же образом они будут заботиться о престарелых родителях?! В моем родном селе из тысячи не нашлось бы и одного, кто заботится о престарелом отце, а тех, кто обеспечивает матери покойную и благополучную жизнь, не набралось бы и одного из сотни. А ведь после отделения взрослых детей по закону престарелые родители не должны ничего делать, но из десяти не найти и одну такую чету, что наслаждались бы сытостью и теплом. Кто-то еще способен потратить половину или целый лян на прокормление матери, но таких, кто бы всех своих сил не щадил ради матери, не будет ни одного!

Даже впад в бедность, непочтительный сын будет тратить деньги на разврат, а не на содержание родных, в крайнем случае будет содержать жену и детей, но не родителей. Если родные впадут в нищету – никогда не придет на помощь, если заболеют – не станет для них опорой и надеждой. Только глупец не станет заботиться о содержании своих родственников, жены и многочисленных детей. Совершивший низкое безрассудство и попавший в тюрьму вовлекает в свои злодеяния родных. Запутавшийся в долгах из-за распутства вынужден продавать поле и дом, чем вредит своим родным. Таких, кто [следует тому], что привлекает взоры и наполняет уши – семь-восемь из десяти. Достигшие края нищеты семьи с малыми детьми составляют абсолютное большинство китайцев. Деревенские жители пытаются перебраться в большой город, где они надеются обрести достаток. [Дома, в деревне] престарелая мать не имеет даже одежды, чтобы укрыться в зимние холода, не может получить одежды и лекарств от внуков, хотя они и обязаны делать это по закону. Седоголовый старец-отец не имеет даже штанов, хотя он не щадил себя, поднимая сыновей и внуков. Многочисленные потомки, достигшие зрелых лет, окружают его, но они бездельники, не способные содержать одного старца! Оттого-то даже восьмидесятилетние стремятся поскорее уехать в дальние края, чем становиться бессловесными рабами²⁴, полностью зависимыми от подачек тех, кого породили когда-то. Такое можно видеть везде и всюду. Увы! Кто же будет отдавать все силы на возврат долга собственным отцу и матери?!

Примечания

¹ 1/10 часть лян, весьма незначительная сумма. Возможен и перевод «одна монетка».

² Основатель Ханьской династии (с 202 г. до н.э.), урожденный Лю Бан. Он способствовал восстановлению позиций конфуцианства взамен легизма, ослабил жестокие законы предыдущей династии.

³ Цитата из «Ши-цзи» («Основные анналы Гао-цзю», 22), перевод Р.В. Вяткина [Сыма Цянь 2003, 170]. Речь идет о событиях 207 г. до н.э., когда Лю Бан собрал циньских старейшин после поражения при Ланьтяне, объявив, что прежние жестокие законы отменяются. В «Ши-цзи» сказано: «Жители Цинь ликовали и наперебой угощали воинов мясом... вином и другой пищей». Лю Бан распорядился даров не брать, поэтому «люди... опасались только одного: что Пэй-гун (Лю Бан. – Д.М.) не станет правителем Цинь» [Там же, 171].

⁴ Измененная цитата из второго акта пьесы «Бешеный Жэнь» знаменитого юаньского драматурга Ма Чжи-юаня (1250? – между 1321 и 1324 гг.).

⁵ «Ши-цзин» II, V, 8 (IV). Перевод А.А. Штукина («Кувшинки-цветы»).

⁶ *Вэнь ань ши шань*, ритуал описан в «Ли-цзи» в главе «Наследник Вэнь-ван».

⁷ Сочетание *вэй цзе* имеет также значение «благодарить за труды».

⁸ Дословно: «никого, кто бы оглаживал [большое место]».

⁹ William McKinley (1843–1901), в нормативной транскрипции именуется *Майцзиньлай*. 25-й президент США (в 1897–1901 гг.). Был смертельно ранен анархистами после переизбрания на второй срок.

¹⁰ Имеется в виду испано-американская война 1898–1899 гг., которая привела к потере Испанией последних колоний – Кубы и Филиппин, оккупированных США и впоследствии преобразованных в номинально независимые государства.

¹¹ Дословно: «посмертно пожаловал» (*цзэн*).

¹² Использован тот же термин *цзэн*, но уже в значении «дарить», «давать безвозмездно».

¹³ Фраза восходит к «Шу-цзин» (глава «Советы великого Юя»).

¹⁴ Слово *фань* может означать: «изменять», «быть непокорным», «двигаться в противоположном (обратном) направлении», «вывертывать наизнанку», «обвинять», «распродавать, пускать в продажу», «противодействие», «измена, предательство».

¹⁵ Кан Ю-вэй использовал кантонское слово *Саньгапо* (употребляемое и в современном языке) вместо нормативного *Синьцзяпо*.

¹⁶ Буддийский термин *шэнь мин* – «телесная жизнь».

¹⁷ Вариант перевода: «на общественные нужды».

¹⁸ Перевод смысловой.

¹⁹ В оригинале используются выражения, указывающие на действия старшего и вышестоящего к младшему и нижестоящему.

²⁰ Дословно: «душам хунь и по».

²¹ Использовано сочетание из «Цзо-чжуань» *инь шэн* – «сладокрастная/неканоническая музыка».

²² Чиновнику, как и кандидатам на столичных экзаменах, полагалось казенное жилье.

²³ *Фэн тянь чжи*: имеются в виду якобы существовавшие в эпоху Чжоу порядки, которые пытались реставрировать императоры ряда средневековых династий: вся земля принадлежала государству и распределялась в равных долях поданным на правах аренды. Чиновники также получали ведомственные наделы вместо жалованья.

²⁴ *Жэньли* – раб помощника нечестивого правителя, ведущего государство к гибели.

Перевод с китайского и комментарии Д.Е. Мартынова